

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Москвин—Загорецкий

Начался съезд гостей. Суетится ветхий мажордом, бегает из угла в угол Фомка и Фимка, в передней толкотня, крики, смех. К парадному входу ежеминутно подъезжают кареты, гремят колокольцы, шелкают бичи, вваливаются все новые и новые гости. Тяжелые меховые шубы падают на руки лакеев, и на свет божий вылезают шесть дряхлеющих княжен, а за ними, вперевалку, задыхаясь и охая, ползет тучная княгиня Тугоуховская, сопровождаемая своим тощим супругом.

Появляется ослепительная Наталья Дмитриевна — «громкие лобзания» и восторги княжен. Графиня-внучка высокомерно оглядывает зал: «Ах, grande maman, ну кто так рано приезжает, мы первые!». Начинается светская пикировка. Повсюду поклоны и реверансы, мелькают улыбки, бряцают шпоры, мужчины кочуют из комнаты в комнату, дамы шушукуются по углам. Гости прибывают. Грибоедов означает их приход ремаркой: «Те же и множество других гостей. Между прочим, Загорецкий».

И. М. Москвин эту ремарку — «между прочим Загорецкий» выполняет изумительно тонко и точно. Загорецкий появляется как-то совершенно незначай. Он вынырнул из толпы и сейчас же скрылся, чтобы появиться в другом углу зала. Никто не заметил, как он пришел, никто не заметит и как он исчезнет. Он вездесущ — этот Загорецкий, его появления и исчезновения еле уловимы.

Загорецкий только отделился от группы гостей и засеменил на своих тоненьких ножках, но уже можно предчувствовать характер этого человека. Он идет стремительно и грациозно, он отвечает учтивые поклоны направо и налево, всем и каждому; вся его маленькая фигурка выражает угодливую любезность. Его жесты закруглены и вкрадчивы, на устах цветут очаровательные улыбки, и хоть спина подобострастно согнута, все же Загорецкому очень весело: он на балу, кругом добрые, милые знакомые, которым так приятно услужить.

Быть любезным — это его profession de foi. Каким блаженством наполняется душа, когда можно сделать доброе дело. И главное — никаких корыстных целей! Разве Загорецкий думал о своей пользе, когда подарил арапку Хлестовой — ну, конечно, нет! Не заботится он о своих нуждах и сейчас, преподнося Софье — дочери сановного хозяина — билет на завтрашний спектакль.

У каждого человека есть своя страсть — у Загорецкого она тоже имеется, и он ее раб: бегает по Москве и совершает любезные деяния. Но почему Москвин заставляет Загорецкого так умильно хихикать в момент свершения своих подвигов? Почему его герой обретает столь победоносную внешность? Не злорадствует ли Загорецкий над своими всемогущими покровителями, не путем ли мелких услуг он пролез в это самое общество, и не этим ли способом он думает в будущем прибрать к рукам своих великодушных патронов?

Недобро блестят из-под дымчатых очков глаза Загорецкого, зловецкими кажутся его сладчайшие улыбки, преувеличенным — подобострастие, выдающие в этом увертливым человеке хитрого и дальновидного дельца. «Раболепством самым пылким» Загорецкий покорил всех и каждого. Ведь не прошел тот век, когда «тем, кто выше, лесть, как кружево, плети»...

А «кружево» свое Загорецкий плетет виртуозно, он великий мастер этого тонкого искусства, в котором можно все испортить, нарушив такт и меру. Заходит речь о книгах, и Загорецкий обрушивается на басни: «Хотя животные, а все-таки пари». Москвин чарующе улыбается — не пафос обличения, а восторг умиления движет им: не дам обижать орлов и львов, они вашей высокой породы, господа, нельзя быть с ними нетактичным. И ко всем обращена улыбающаяся физиономия: глядите, как я вас рьяно защищаю, даже в зоологическом облике вы мне любы.

Маска любезности не сходит с лица Загорецкого в течение всей комедии: Грибоедов наметил этот образ яркими, но все же беглыми чертами. Кто такой Загорецкий, что это за характер, что за социальная особь? По ходу действия он совершает

только любезности, ни одного дурного поступка за ним не числится, и если б не слова Горича «отъявленный мошенник, плут», Загорецкий мог бы выглядеть совсем милым господином. Историки «Горя от ума», составляя фамильные списки прототипов для героев комедии, отыскивали Загорецкому прародителей — это или ярославский откупщик А—в, или содержатель одного игорного дома в Москве, большой шулер.

Но как актеру играть подлинный характер персонажа, если он искусно скрывает свою сущность под маской показной светской любезности? На то и существует искусство Художественного театра, искусство обнажения глубочайших душевных переживаний, искусство раскрывать подлинные страсти и побуждения даже в том случае, если они не прямо выражены в словах персонажа. И нет на советской сцене мастера, равного И. М. Москвину по умению изображать затаенную правду характера.

Эпизодический персонаж никогда не может быть раскрыт целиком, драматург показывает в нем только одну какую-нибудь существенную черту характера. Но актер обязан эту черту передать с такой рельефностью и глубиной, чтобы зрителю был ясен образ не только в данной, продемонстрированной на сцене ситуации, но и в целом ряде иных случаев. Москвин, показывая лстивого и подобострастного Загорецкого, предельно насыщая психологической правдой эти черты характера, в то же время дает возможность судить об истинной натуре своего лицемерного героя. С каким великолепным мастерством Москвин проводит сцену с Репетиловым. Репетилов разболтался, он пьян и глуп, но кто знает, пожалуй, от него можно узнать что-нибудь секретное и сообщить об этом куда следует. И вот Загорецкий стоит перед своим шумным приятелем и, скромно потупив взор, с величайшей искренностью и душевной прямоотой шепчет о том, что он тоже «ужасный либерал», а глазок устремлен на Репетилова: ну, сознайся, ну, скажи, кто и что у вас там говорят, открой секрет — я же ваш.

В этом куске Москвин показывает Загорецкого фискалом и шпионом. Исподволь он высматривает свою жертву и, если представится случай, беспощадно ее уничтожит. Нет, Загорецкий не безобидный врунишка. Это — злой и хитрый плут, способный на любое предательство. Это — профессиональный доносчик и клеветник. В приторных улыбках и докучливых услугах Загорецкого легко отгадать какого-нибудь Фадея Булгарина, доминавшего Грибоедова не менее лицемерными любезностями.

Врет Загорецкий непрерывно, солгать ему легче, чем сказать правду: правду надо вспоминать, а вранье придумывается на лету. И он так привык к этому занятию, что оно стало его стихией. С какой быстротой и точностью Загорецкий рисует

И. М. Москвин в роли Загорецкого

Фото М. Сахарова

картину сумасшествия Чацкого. Но сам он к своему вранью относится без всякого энтузиазма, это обычное, каждодневное дело. И Москвин находит великолепную деталь для этой черты характера Загорецкого. Вместо того, чтобы истощно прокричать в сцене сплетни анекдотическую реплику: «Нет-с, бочками сороковыми!» (обычно актеры так и делают), Москвин говорит эти слова спокойно и тихо, как нечто давно известное. Он роняет фразу как бы невзначай, в сторону, а сам спокойно грызет печенье.

Лесть и клевета для Загорецкого — это главные средства собственного преуспевания, и если в Фамусовском доме он бывает любезным и ласковым, то легко себе представить, во что превращается эта жизнемерзостная бактерия, когда ей можно продемонстрировать свои подлинные свойства. Эти зловецкие свойства Загорецкого, ростовщика и шулера, просвечивают через маску внешней угодливости с замечательной рельефностью.

Замечательный художник маленькую эпизодическую роль превратил в яркую и глубоко содержательную фигуру, пронизанную низменными страстями.

Театральное искусство, оплодотворяясь правдой человеческой жизни, отраженной в драме, должно само придавать драматическим образом истину подлинных чувствований, должно вскрывать в этих образах глубинные психологические пласты, которых в литературных героях порой может и не быть. В таких случаях искусства как бы дружно помогают друг другу.

В спектакле «Горе от ума» Москвин помогает Грибоедову...

Г. БОЯДЖИЕВ